

Юрий Хоба

Место обитания – Донбасс. Полтора километра от линии фронта. Автор семи сборников прозы, Золотое перо Донбасса. В прошлом – помощник капитана судов заграничного Азовского морского пароходства.

СЕРАЯ ЗОНА

Рассказ

По минному полю шли двое. Вернее, один шёл, второй ехал на обрывке брезента, которым военные укрывают танки, а крестьяне – сенохранилища.

Но, оказывается, эта особо плотная ткань годится для транспортировки обезноженного осколками раненого. Надо лишь к углам брезента привязать буксирный трос и обзавестись тягловой силой.

А так как в наличии не имелось ни наземного тягача-беспилотника, ни смирной лошади, конником пришлось поставить другого раненого, у которого руки были плотно прибинтованы к изодранной на груди камуфляжной куртке.

– Ты ещё узду на меня накинь, – горько пошутил ходячий, отстраняя лицо от выдурившей в человеческий рост амброзии, стебли которой горбились под мелким дождём. – И заодно хлыст вырежь...

– Я уж как-нибудь словами обойдусь, – в тон ему ответил лежащий. – Матерными. Кстати, как теперь тебя величать? Иваном вроде неудобно, нет у лошадей таких кличек. Решено, будешь Буланым.

– Он, твой Буланий, случайно не мерин? А то невеста узнает, выйдет замуж за другого.

– Нашёл о чём колотиться. Думай, как в борозде не лечь.

– Чего здесь думать? Мне тащить, пока грыжа наружу вылезет, тебе ехать да говорить – куда сворачивать.

– Не нравится, топай дальше один, а я полежу здесь, дождик-то весенний, проклюнувшейся травкой пахнет.

– Куда топать? Через поле, тобой заминированное? Вот уж не ожидал от тебя, тёзка, такого коварства. Да и как я отцеплюсь без рук от волокуши, к которой ты меня приковал?

Со стороны послушать – препираются после доброй чарки два старинных приятеля, а на деле познакомились только вчера при обстоятельствах, которые нормальному человеку могут привидеться исключительно в дурном сне.

Так вот, вчера неполный взвод бывших ополченцев на двух БМП десантировали у полезающей полосы, где окопался враг.

Постреляв для устрашения чужих и придания пущей отваги своим, боевые машины вместе с сопровождавшим танком-тральщиком отошли на исходные позиции, предоставив пехоте право довершать начатое.

Однако в поединок вмешалась третья сила. На той, вражеской, стороне решили воспрепятствовать захвату опорника. Ударили целым артдивизионом, не дожидаясь окончания рукопашной схватки.

Пушкари потрудились на славу. Они внесли такую сумятицу в стройные ряды ясеней с обозначившимися по случаю скорого тепла почками, что, будь на месте оператора беспилотника пейзажист, он бы немедленно принялся писать картину под названием «Дорога в чистилище для особо злостных грешников».

Но оператору чужды эмоции. Он воспринимал мир как картинку с экрана монитора. И поэтому бесстрастным голосом доложил начальству, что нападавшие полностью уничтожены.

О защитниках опорника оператор промолчал. Когда деревья валят снарядами, щепки и всё прочее относят к сопутствующим потерям.

Не нашлось места в докладе и для одинокого бойца со странно болтающимися руками, который при звуке беспилотника сусликом шмыгнул в какую-то норку. Это уже его, оператора, забота. Ночью выпустит из клетки железную птицу по имени «Баба Яга» с телевизором, проверит, что за норное существо обитает на опорнике. Свой к звуку железной птицы привычен, прятаться не станет, а для чужака на подвеске имеется целая гроздь фугасок.

Тот, у кого над головой четверть часа гремели барабаны войны, а ушные раковины забиты мусором, едва ли услышит брюзжанье беспилотника. Но он услышал и, до конца ещё не разобравшись, почему вдруг онемели руки, на попе съехал в первую попавшуюся нору.

Как вскоре выяснилось, единственную уцелевшую после бомбардировки снарядами сто двадцать второго калибра. Всё прочее, в том числе ходы сообщения, было либо обрушено, либо завалено ампутированными ветками и человеческими телами.

Спасаясь от беспилотника, нарушил одну из заповедей идущего в атаку: прежде чем войти в незнакомый блиндаж, пошли туда гранату. И поплатился за это.

– Если дёрнешься, – послышалось из подземных сумерек, – тут же схлопочешь пулю в брюхо.

– Я не дёргаюсь, я сижу.

– Ну, тогда сиди, где сидишь, – милостиво разрешил голос. – Только быстренько продемонстрируй мне трезуб.

– Трезуб – это что?..

– Вот бестолковый попался. Трезуб есть государственный герб Украины, на который замечательно смахивают поднятые руки и голова между ними. Усёк?

– Я-то усёк, только руки не поднимаются.

– Ранен?

– Хрен его знает. Не шевелятся, хоть плачь. И предплечья огнём горят.

– В таком случае ползи сюда. Как тебя?..

– Иван.

– Тёзка, значит. Меня, правда, покойный дед больше Ванюшкой звал. А в селе Иваном Михайловичем величали... Ну, чего сидишь, как задница в солдатских штанах. Я же сказал – ползи сюда. Но осторожно, на подставки не наступи.

Впрочем, Иван уже приноровился к сумраку землянки, которая изнутри напоминала что угодно, но только не фортификационное сооружение. Это впечатление усиливал прислонённый в углу грубо сработанный крест из сырой древесины и тот, особый, запах, который незримо витает над раскрытой могилой.

В другом углу, опершись спиной на скатанные матрасы, полулежал-полусидел на спрессованной соломе хозяин. Возле правой руки походная сумка с крестом, ржавый до невозможности автомат, ноги поверх рябых штанин спеленуты бинтами, сквозь прорехи в серых носках желтеют пятки.

Лицо хозяина подземелья в тени. Виден лишь сильно выдвинутый вперёд подбородок, голос с трещинкой.

– Тебя как прикажешь величать? Иваном Михайловичем? – спросил гость.

– Можешь, как дед, Ванюшкой. Так душе приятнее... Ну, что ты всё время в угол тарачишься? Креста никогда не видел?.. Его для троих наших приготовили. Думали после обеда похоронить за посадочкой, да вас чёрт принёс... Но ничего, крест на войне – товар ходовой. Кто знает, может, и для нас сгодится. Слушай, раб божий, сколько тебе повторять? Ползи сюда...

– Ты – медбрат?

– По совместительству. А так старший куда пошлют. Позавчера поле минировал, вчера из гранатомёта пулял, сегодня крест для ребят строгал. Маленько не доделал... А сейчас твоими грабками буду заниматься... Итак, что мы имеем? Крови нет, а переломы обоих предплечий имеют место быть. И как это ты ухитрился?

– Взрывной волной о пеньки шваркнуло. Лежу, сверху ветки и прочая хрень сыплется, но прикрыть голову нечем. Даже не знаю, как без рук из-под того завала выполз... Поосторожней никак! Или хочешь, чтоб уписался в штаны?

– Я хочу одного, чтобы ты заткнулся. Для начала всажу обезболивающее, потом примотаем руки к туловищу и – гуляй.

– А если приспичит?

– Пообещаешь после войны бочку пива выставить, так и быть, пособлю... Ну что, полегчало? Закончу бинтовать, заброшу в твою пасть чудо-таблетку. Я одну уже накатил, теперь козлик готов скакать. Жаль, ноги отказываются подчиниться... Учти, последнюю таблетку жертвую. Нет, спасибо – слишком много будет. Согласен обойтись ещё одной бочкой. Как за что?.. А кто тебя, вражину-сепара, приютит? Кто оказал первую медицинскую помощь?.. Въезжает, понимаешь, на заднице в мои апартаменты подозрительная личность, руки поднять отказывается, зубами лязгает.

– Это чисто нервное...

– Да, корёжило тебя от страха знатно. И физиономия лица такая разнесчастная, что рука не поднялась пристрелить. И вдобавок знакомая.

– Всё может быть, – согласился Иван, прислушиваясь к уходящей из прибинтованных рук боли. – Может, и пересекались где... Сам-то из каких краёв будешь?

– Ну что ты торчишь на коленях? Я тебе не Иисус Христос, ты не ученик его Матфей, который из мытарей переквалифицировался в бродяги. Падай на задницу рядом и слушай. Ты когда-нибудь о речке Весёлая Боковенька слышал?

– Откуда? Но название симпатичное.

– Ещё бы, – довольно, будто он сам дал название неизвестной Ивану речушке, улыбнулся хозяин «апартаментов». – Там красотень райская. Сидишь с удочкой на берегу, серебристый лох золотой пылью плешь тебе посыпает, ужик пойманного пескаря в пасти тащит, соловьи восход солнца приветствуют. Короче, кто видел всё это, по доброй воле оттуда не уйдёт... Если, конечно, сельский голова, он же – родимый кум, земля ему после смерти настоящей на моче стекловатой, не сдаст тебя бесчувственного военкому... Понимаешь, тёзка, созывала эта гнида мужиков, которые в селе оставались, на свой день рождения, опоила каким-то зельем и позвонила заготовителям человеческого мяса. А сам теперь вроде единственного на всю округу петуха. Какая молодка приглянулась, ту и топчет. Моя же, как на грех, в той округе самая аппетитная... Кстати, не мешало бы пожрать. Пузырёк в матрацах заныкан, но из закуски только анальгин. Пойди, пошарь по опорнику, может, удастся съедобное раздобыть. Да не дрейфь. В подранка никто стрелять не станет. Тем более – безрукого... Только думается мне, все они убитые. И твои и мои. Иначе бы голос подали.

– Издеваешься? В чём я съестное принесу? В зубах?

– Ноги для чего у тебя к туловищу привинчены? Правильно, чтобы пинать. Говяжьё тушёнку, бычков в томатном соусе. Вспомни, как в детстве в футбол играл.

Но для того чтобы играть в футбол и даже просто передвигаться по земной поверхности одних ног маловато. Особенно, если эта поверхность измордована фугасами.

Кое-как выцарапавшись из норы, Иван почувствовал себя канатоходцем, которому предстоит пройти по переброшенной через ущелье проволоке. Однако подобный щелчку окрик вывел его из оцепенения:

– Вперёд, тёзка! Только вперёд! Без жратвы не возвращайся!

Иван шагнул раз, второй и только теперь понял истинный смысл расхожего выражения «как без рук». Оказывается, верхние конечности – то же самое, что и шест для канатоходца. И вдобавок – лучшие в мире амортизаторы. Жаль, что во время атаки они пришли в полную негодность. И теперь могут пострадать во время падения другие, ещё более важные части человеческого тела.

Особенно жуткими Ивану казались остряки на месте срубленных снарядами ясеней. Если споткнёшься, один, а то и оба глаза долой.

И везде разбросанные по посадке тела. В полузасыпанных ходах сообщения, среди скошенного под корень подлеска. Обезобразены так, что не понять, где свой, где чужой. Всех уравнила смерть.

Но не покойники страшат Ивана. Кто убит, тот уже не выстрелит в тебя, не замахнётся сапёрной лопаткой. Для него куда большая опасность – воронки и бурелом с изрядной примесью обрывков спирали Бруно. Явная погибель тому, у кого руки прибинтованы к туловищу.

Да и мелких препятствий более чем достаточно. Чья-то оторванная в голени нога, распятый дряблым парусом на срубленных ветках обрывок танкового брезента, связанный в двух местах автомобильный буксир, вскрытые патронные цинки.

Но ничего съестного. Такое впечатление, будто защитники опорника питались исключительно подножным кормом.

Лишь возле расплющенного прямым попаданием блиндажа невесть каким чудом уцелевшая банка грибов.

– Закуска, конечно, жидковатая, – вздохнул Иван. – Но всё же лучше анальгина из сумки медбрата.

Хозяин «апартаментов» встретил гонца полными укора словами:

– Долгонько же ты шлялся... Ладно, пихни банку поближе. Я ей вскрытие делать буду. Падай рядом и открой пасть пошире. Как зачем? А куда я огненную воду буду заливать и грибы закидывать? Ну что, хороша самогоночка? То-то... Самогон – не водка. Примешь стопарь, и так славно на душе, что лютого врага готов простить.

– Даже сельского голову, который тебя военному сдал?

– С ним случай особый. Для головы, пусть земля ему бракованными презервативами, есть по тайное плесо с голодными раками.

– Прежде отсюда выбраться надо...

– Что предлагаешь?

– Волокушу соорудить. Я здесь кой-чего присмотрел. И выдвигаться к нашим по следу танка-тральщика. Там мин точно не будет.

– Слушай, тёзка, на кой хрен тебе обуза? Или медаль решил заработать? Чтобы потом в твоих газетах написали: «Наш герой, будучи тяжелораненым, взял в плен “языка”, который дал ценные сведения о дислокации противника»?.. Так я, кроме матюгов, ничего не знаю. Не говоря уже о военной тайне. Даже если яйца дверью прищемят.

– Дурак ты, Иван Михайлович! Даже не удивлюсь, если от такого дурака жена насовсем к сельскому голове уйдёт.

– За такие намёки можно в рыло схлопотать!

– Но вместо этого меня приютил, перевязал, пожертвовал обезболивающим и сейчас вот грибами с ложки кормишь. И я, вместо благодарности, должен тебя бросить? Мол, пушай подышает от гангрены.

– Тебя послушать, мать Тереза – моя родная сестра. На деле же всё проще. Чувствую себя неудобно, если рядом кто-то зубами или чем другим мается. И жрать не сажусь, когда вижу напротив голодные глаза. По этой причине даже злостного браконьера Петра штрафовать не стал. У него жынка вечно хворая и пятеро короедов по лавкам. Пришлось простить засранца.

– А как же сельский голова, которому местечко с голодными раками приготовлено?

– Считай, ляпнул со зла. Стану я самую светлую на всём белом свете речку поганить. Бог ему судья. А что глаз на мою кралю положил, то, как говорил покойный дед, земля ему подушкой из лебязьего пуха: «Сучка нэ захочэ, кобель нэ скочэ». В случае чего, с неё первый спрос.

– После таких слов как-то расхотелось жениться, – молвил Иван, пытаясь почесать нос о левое плечо. – Правда, где та свадьба и где я...

– Шнобель свербит, – усмехнулся хозяин подземных «апартаментов», отвинчивая пробку. – Сейчас мы это дело поправим. И заодно подумаем над твоим предложением. Открывай, тёзка, пасть, залью огненной водицы. После неё, сам знаешь, дышится веселей и мысли стоящие появляются. Давай, излагай свой план... Только прежде грибком закуси, пусть брюхо услаждает.

– Там, в одном месте, обрывок брезента валяется. Как раз по росту человека. И автомобильный буксир рядом. Короче, подручный материал для волокуши имеется. А как её смастерить, то это уже не моя, безрукого, проблема. Дождёмся сумерек и двинемся по следу танка-тральщика.

– Мыслишь верно. Сумерки – лучшее время. Но, тёзка, насчёт тральщика ты малость того... Даю башку на отруб, твои кореша успели заминировать колею. Не дураки ведь. Понимают, что наши ею могут воспользоваться.

– Предупреждаю сразу, я лучше здесь подохну, но в плен не пойду. Думаешь, мне сильно к своим хочется? Да и какие они мне свои? Скорее – геморрой. Он тоже свой, только кто ему рад.

И сочувствия от этих своих не жду. Малость подлечат, и – вперёд, Ванюшок, в окопы. Или под эту погонят... Ну, городишко такой под Донецком, который наши фортецей величают?..

– Авдеевку? Так ваших оттуда выбили на прошлой неделе.

– Значит, вовремя наша рота оттуда смоталась. Все сорок пять гавриков с прапорщиком в придачу. Высадили нас на околице прямо в грязь. «Топайте дальше своим ходом», – приказали. Холодрыга, с неба крупа сыплется. Одна радость – погода нелётная. Только и та радость вскоре слиняла... В километре, или около того, бомба-полуторатонка так хренонула, что мы в грязь друженько повалились...

– Осколками никого не зацепило?

– Бог миловал. Как говорится, обделались лёгким испугом. Вся рота во главе с прапорщиком. На наше счастье, неподалёку чей-то домишко догорал. Обступили его со всех сторон, нежданчики с подштанников вытряхиваем. Видуха та ещё. Сорок шесть голых задниц, морды в грязи, духан на всю околицу... А домишко тот найти запросто. Вокруг него, поди, подштанники до сих пор валяются.

– Иван Михайлович, беспилотник зудит.

– Пусть зудит на здоровье. Пара калек, тёзка, для него не добыча... Словом, после земной штормяжки я понял, почему дед-покойняга про свою войну ничего не рассказывал. Наверное, у него тоже были свои подштанники. И я внукам, если уцелею, ничего рассказывать не стану.

– Выживешь, куда ты денешься. Не знаю, как твои, а наши в окопы не пошлют. Если, конечно, сам того не пожелаешь. На нашей стороне, говорят, целый батальон из военнопленных дерётся.

– Извини, но воевать я больше не буду. Ни на твоей стороне, ни на своей. Лучше уж до конца всего этого на тюремных нарах...

– Решил придерживаться принципа «моя хата с краю»?

– А моя хата и так на самом краю села. Дальше, по берегу Весёлой Боковеньки, одичавшие сады. Там раньше тоже жили... И я не желаю, чтобы с моей хатой такое же случилось. Не знаю, Иван, как там будет после смерти, но до меня только под этой Авдеевкой дошло, что жил я в раю. Работёнка по душе, от речки прокопал что-то вроде заливчика, отгородил его сеткой и теперь в нём карасей откармливаю. Приедут гости, зачерпнул сачком сколько надо... По чарке-другой приняли, а там, глядишь, и уха подоспела.

– Вкусно излагаешь.

– Приезжай, коль тоже желаешь ощутить себя в раю. После войны, конечно. Приму по высшему разряду. С кем бедовать пришлось, тому всегда рад будешь.

– Спасибо, приеду. Как ты и предлагаешь, после войны. Если, конечно, выберемся отсюда.

– Выберемся, – заверил бывший егерь. – Иначе для чего же нам бошки к туловищам привинчены?

– По воздуху?

– Зачем по воздуху? По земле. Как и положено человекам, в том числе – инвалидам войны. Слушай сюда... Поле напротив нашей берлоги минировал я. Но не сплошняком, как прапорщик приказывал. Сам понимаешь, мало радости в бурьяне ползать. Короче, поленился я. Половину мин выставил, а половину схоронил в укромном месте.

– То есть у нас появился шанс пропетлять? А вдруг и возле нашей посадки тоже заминировано?

– Скорее всего – да. Но здесь уже следует уповать на милость Божью и на мои глаза.

– Ну так что, идти за брезентом и буксиром? – спросил Иван, поднимаясь с занемевших колен.

– Топай. И на небо поглядывай. Услышишь беспилотник, ветошью прикинься. Видуха такая, что за жмура сойдёшь.

Однако похожее на засиженный мухами низкий потолок мартовское небо было пустынно. Безмолвствовали и полезащитные полосы по обе стороны отошедшего в серую зону опорника.

С автомобильным буксиром управился без особых помех, а вот танковый брезент упорно отказывался от роли футбольного мяча. Пришлось пустить в ход зубы.

– Я же говорил – башка не напрасно к туловищу привинчена, – встретил шуткой бывший егерь. – Всегда даст дельный совет. И при надобности заставит ходить задом наперёд... Слушай, тёзка, чего это ты с лица спал? Умаялся? Так огненная вода осталась на доньшке.

– Иди ты со своей самогонкой. И так с души воротит. Чуть брюхо наизнанку не вывернулось, пока вонючую брезентуху волок. Отхожее место ею накрывали, что ли?

– Нет. Убиенных рабов Божьих, которым я крест с утраца ладил... Тёзка, ты на фронте давно?

– Прошлой осенью мобилизовали. А что?

– Должен уже привыкнуть к окопной вони и грязи. Я до войны брезговал подать руку тому, у кого чернозём под ногтями и от кого заношенными носками смердит. А теперь дошёл до того, что могу сухарь из сидора убиенного одолжить. И совестью особо не маюсь. Сам должен понять – войну в белых перчатках и чистых подштанниках не делают.

– Что-то слишком мудрёно для сельского егеря изъясняешься...

– Изъясняюсь, как и положено школьному учителю истории, на которого отпечаток наложило крестьянское происхождение.

– Надоело сеять разумное, вечное, доброе?

– На кой хрен оно тому, из кого академиком всё равно не получится. Научили буквы до кучи складывать да в платежной ведомости расписываться, и будя.

– По-моему, историю обязан знать каждый.

– Я тебя умоляю! Какая история? Я в институте учил одну, преподавать же пришлось совершенно другую. Вот когда напишут учебник, где каждое слово будет соответствовать истине, а не хотелкам слуг народа, вот тогда, может быть, и вернусь в школу... Но что это мы всё обо мне да обо мне... Сам-то, догадываюсь, тоже не весь «Букварь» на самокрутки извёл.

– Музыкальное училище. По классу баяна. Лауреат всяких там конкурсов.

– Вот откуда мне твоя рожа знакомой показалась! Я же её по телеку видел.

– Разве на Украине наши программы идут?

– Здравствуй, ж... Новый год. А спутниковые тарелки зачем? Одна – на Киев, другая – на Москву настроены. Так сказать, черпал информацию из двух источников.

– И каким больше веры?

– Ни тем ни другим. Одни – брешут, другие – врут. Вот и всё отличие. А твою персону, ты уж, тёзка, извини, запомнил из-за дамочки, которой ты на фисгармонии аккомпанировал. Колись, кто такая?

– Директриса нашего Дома культуры. Людмила. Что, понравилась?

– Глядя на неё, лишний раз убедился, что наши девки хороши и без водки. Только на кой хрен начальница вашего очага культуры прячет фигурку под длинным платьем? Ноги кривоваты или какая иная причина?

– И кривизна есть, и лохматость присутствует. Она после одного случая на автобусной остановке стала носить исключительно длинные платья или брюки свободного покроя.

– Чего лыбишься?

– Да вспомнил случай... Подходит, значит, к Людмилке на автобусной остановке паренёк лет полутора от роду и давай ей ножки гладить со словами: «Кися, кися».

– Огорчил ты меня, конечно, до невозможности, однако, когда вернёшься домой, передай своей начальнице, что егерь с берегов Весёлой Боковеньки страстно желает оказаться на месте того мальчика.

– Гены покойного деда разыграли?

– Яблочко от яблоньки... Впрочем, пора заняться транспортным средством. Больно уж быстро сумерки накатываются. Дождик, часом, там не намечается?

– Похоже, обложной.

– Промокнуть не боишься?

– Иван Михайлович, в нашем теперешнем положении это не самое страшное. Но ты не отвлекайся... Кстати, зачем запалы из «лимонок» вывинчиваешь?

– Теперь это просто подручный материал. Заверну в углы брезентухи, чтобы буксирный трос не соскальзывал. Иначе наша конструкция развалится на первых же метрах.

– Заодно смастери что-нибудь наподобие хомута.

Всё уже продумано. Отдам тебе командирский ремень. Он нашему прапорщику принадлежал, а после того как его убило – мне. Снял, так сказать, с раба Божьего в счёт оплаты за могильный крест...

Закончить предложение помешала череда взрывов. Не очень громких, но весьма ощутимо встряхнувших перекрытие подземных «апартаментов», из которого густо посыпались комья глины и мыши.

– Наши лупят, – определил бывший егерь. – Из польских миномётов. Поэтому мы и не слышим звук исходящего выстрела. Да и мины не чета нашим. Летят крадучись, на цыпочках. Однако беседу нашу нарушили да и мышек, будь они неладны, подбросили для потехи... Правда, потеха эта сомнительного качества. Только вознамеришься сухарь в пасть сунуть, а его с другой стороны уже грызут.

– К нашему опорнику кошка с котятами прибилась, – молвил Иван, по-собачьи отряхиваясь от комков глины. – Поэтому квартирантов значительно меньше.

– Здесь не они квартиранты, а мы с тобой, – возразил хозяин «апартаментов». – Вторглись в законные владения полёвок, да ещё и возмущаемся.

– Разве по своей воле вторглись?

– А я разве говорю, что по своей? Все мы, люди и зверьё всякое, одно горе мыкаем. На этом поле, поди, пшеница колосилась, теперь железо ржавеет. Вот мышки сухари у бойцов и воруют, а мы с тобой грибами без хлеба пробавляемся. Куда ни кинь, голодуха везде. И война везде... Ну вот, кажись, и ваши проснулись...

– Точно, наши, – подтвердил Иван, прислушиваясь к хлопкам малокалиберных снарядов. – Бээмпешка. Нас страшает, на мышек панику наводит, убитых по второму разу осколками шпигует.

– Циник ты, тёзка, однако. Сам говорил, что война – вещь, с чистыми подштанниками несовместимая. А это что-то новенькое тарыхтит. Похоже, дождь всё-таки собрался.

– Дождь – хорошо. Под дождь легче ночь коротать, и боль вроде бы глуше становится. Главное, чтобы силушку до завтра сберёг. Как утверждал наш прапорщик: «Загривком лучше дождевые капли ловить, чем сброшенные с беспилотника бомбочки»... А теперь посторонись, матрацы раскатаю... Всё же не окончательные мы с тобой калеки. Две ноги и две руки имеем. Кстати, тебе по нужде не надо? Так чего мнёшься, будто стыдливая деваха перед первой брачной ночью? Дуй в угол. Что, на улицу пойдёшь? Гляди, дело хозяйское. Только против ветра не писай, запасных штанов нет.

Предупреждение оказалось не лишним. Сырой ветер стenal в кронах уцелевших ясеней, придавая им сходство с оголёнными шквалом мачтами бригантины. А ещё он вытряхивал из туч тяжёлые, словно волчья картечь, капли.

– Всё же послушался меня, – молвил бывший хранитель Весёлой Боковеньки, застёгивая ширинку на Ивановых брюках. – Описался по самое некуда. Знал бы прапорщик, чьи подштанники вместе с моими сейчас украшают пепелище, что подряжусь застёгивать ширинку сепару, он бы удавился... Да шучу я, шучу, прапорщик, земля ему макаронами по-флотски, сильно он сей харч уважал, уже на том свете, а нам ещё горе мыкать на этом.

– Тебя, Иван Михайлович, когда ранило?

– Тоже утром. Спасибо броннику и напашнику, хозяйство уцелело. Зато ноги нашпиговало от души. Теперь во мне железа больше, чем в зажаренном на вертеле зайце чесноку. Вот чёрт, опять у пушкаррей очередной приступ бессонницы... Похоже, включили «Малку» двести третьего калибра... И стоит она на огневых в шести верстах. Или – семи, учитывая скорость распространения звука в воздухе.

– Какой воздух? – возразил Иван. – В нём половина воды, значит «Малка» отаборилась ещё дальше. Впрочем, нам с тобой без разницы. Главное, не по нам бьют... Слушай, Иван Михайлович, матрацы случаем не из больнички? Смердят лекарством – спасу нет.

– Дурень, это мои протухающие подставки озонируют.

Замолчали. Слушали, как после каждого выстрела вздрагивает, словно её обожгли кнутом, земля. Но ещё раньше, за двадцать одну секунду до этого, далёкая вспышка озаряла внутренности «апартаментов», в том числе – крест из сырой древесины, этот самый ходовой товар войны.

– Спишь? – спросил Иван, стараясь улечься так, чтобы не потревожить притихшую под бинтами боль.

– С тобой уснёшь. Вдыхаешь, будто мой дед, земля ему полной чаркой, когда бабка обнаруживала заначку с самогоном. Чего хотел?

– Спросить. Объясни мне на правах старшего: по чьей милости мы с тобой сейчас загибаемся в этой норе?

– Ты, я вижу, имеешь самое отдалённое представление о таких вещах, как летописи Древней Руси? Так вот, монастырские летописи, если хочешь знать, не только история нашего с тобой Отечества, в них ответы на все интересующие вопросы.

– На мой тоже? Монахи, что, провидцы, вроде Нострадамуса и Ванги?

– Запомни, тёзка, провидец – это мыслящий человек, который берётся предсказывать будущее, основываясь на прошлом и настоящем. Ты возьми для сравнения любой из веков и увидишь, что ничегошеньки не изменилось в природе человеческой. И тогда и сейчас «в оврагах, порохом пропахших, бьёт славянина славянин». Вновь распри, вновь удельные князья кличут бусурманина, чтобы пособил одолеть единоутробного брата. А всё это тоже войдёт в новые летописи, которые напишут не гусиным пером, но наберут на компьютере. Вот и вся разница между прошлым и настоящим.

– Разумеется, нам с тобой местечка в тех летописях не сыщется...

– Молоток. Соображать начал. Значит, должен понять и то, что все беды от тех, кому хочется ещё больше власти и денег... Извини, если задрал заумными речами.

– Ничего. Продолжай. Правда, мы с ребятами по вечерам о другом речь ведём...

– Вели. Теперь твои да и мои ребята обмолоченными снопами по всему опорнику валяются. И такая досада меня от этого берёт, прямо выть хочется... Господи, когда эти чёртовы пушкири угомонятся?

Однако дальнобойное орудие продолжало сотрясать перекрытие убежища, и порождаемые им всполохи всякий раз являли из мрака прислонённый в углу крест.

– Иван Михайлович, будь другом, поправь сползший матрац, – попросил Иван, но при очередной вспышке разглядев, что у того смежены веки, осёкся. Бывший егерь то ли уснул, то ли отключился под воздействием адской смеси из обезболивающего и символически разбавленной грибами самогонки. Дышал тяжело, словно продолжал копать братскую могилу для побратимов.

Иван не стал больше тревожить уснувшего, хотя с правого бока немилосердно тянуло сыростью. Также закрыл глаза и стал слушать, как дождь отпевает павших на поле боя солдат и за компанию с ними – ясеней, которые после штурма опорника обрели сходство с размочаленными шквалом мачтами. А в шести-семи километрах отсюда главный жнец войны – дальнобойное орудие – продолжало без устали выискивать поживу.

Вырубился лишь после того, как пушкири, удовлетворившись результатами жатвы, принялись чехлить огнедышащую «Малку». Но сквозь дрему продолжал внимать зауспокойной молитве дождя и тяжёлому дыханию товарища по несчастью, который и во сне продолжал копать братскую могилу в растерзанной снарядами полезащитной полосе. Пробуждение оказалось под стать ненастному утру и кресту из сырой древесины. Гнетущее, с похмельным привкусом. А вместе с рассветом вернулась приглушённая на время адской смесью боль.

– Жив? – спросил Иван, окидывая взглядом серое лицо бывшего хранителя Весёлой Боковеньки. – Ну, раз жив, помоги подняться. Затекло всё к такой матери. И мураши под шкурой гуляют.

– Может, тебе спинку почесать? Давай, эксплуатируй обезноженного калеку по полной программе.

– Сильно хреново?

– Лучше, чем в позапрошлом году, когда браконьеры вlepили в бочину заряд дробы. Но самую малость... Видно, пушистый зверь-песец подкрался...

– Ну так чего валяемся? Труби, Иван Михайлович, сбор!

– Знаешь, что? Я на пальцах растолкую, где мины закопаны, а ты иди с Богом. Дюже уж видок у тебя никудышный. С таким на больничной койке отлживаться, не волокушу через поле тащить.

– Давай сделаем вид, что ты глупостей не говорил, а я их не слышал. Настраивай волокушу, цепляй сбрую и укладывайся на брезентуху. Тебе, думаю, на спине сподручнее ехать.

– Плохо думаешь. Кто в таком случае подскажет – куда ехать? Да и на брюхе отталкиваться руками буду. Всё-таки подмога. Особенно когда из апартаментов выползть станем...

Небо над разгромленным опорником оказалось свободным от чужеродных предметов. Правда, товарищи по несчастью обратили на него внимание только отдышавшись у входа в покинутые «апартаменты».

– Слава богу, выползли, – прохрипел бывший егерь, вытирая о край брезента ладони. – А то я всерьёз начал опасаться, что ляжем в первой же борозде... Но ты молоток. Упирался почище целой артели бурлаков. Кстати, упряжь не жмёт?.. Видишь посреди поля сгоревший броневи́к? На него и держи. А я буду помогать. Где оттолкнусь, где за стебли амброзии ухвачусь... Прижилась, зараза американская, на нашей землице... И вообще, тёзка, ты обратил внимание – сколько гадости приплыло из-за океана? То жуков колорадских подбросят, то штаны мятые по названию джинсы, то дерьмократию всучат... Извини, мелю языком что ни попадя. Пря́м, понос словесный...

– То у тебя жар. Вначале, когда под матрац стало поддувать, чуть не задубел, а после от тебя, как от печки, потянуло... Ладно, заводи бурлацкую...

– Белый пудель шаговит, шаговит. Чёрный пудель шаговит, шаговит...

Странной, наверное, казалась эта, созвучная шлепкам бурлацких лаптей о песок речной отмели, песня в два голоса. Правда, её могли услышать только горящиеся под дождём стебли заморского сорняка да обломанные на манер мачт пережившего шквал парусника ясеня серой зоны.

После того, как в компании с пуделями одолели первые тридцать метров, бывший егерь приказал остановиться:

– Видишь с двух сторон холмики? Постарайся аккуратненько вписаться между ними. Если промажешь, вознесёмся на небеса... Теперь поищи взглядом прореху в посадке, где ваши окопались. Держи курс точно на неё...

Поначалу Ивану ноша казалась невозможной. Пряжка офицерского ремня давила на солнечное сплетенье, а оттуда боль перемещалась в спелёнутые руки. Да и разбавленные потом струйки дождя застили зрачки, отчего Иван дважды терял из виду указанный ориентир.

Но потом приспособился. Ногами укладывал стебли амброзии так, чтобы волокуша скользила, словно кораблик по смазанным китовым жиром стапелям, а влагу с лица удалял по-собачьи, резко встряхивая головой.

– Ты сейчас действительно похож на Буланого, – подал голос из-за спины бывший хранитель Весёлой Боковеньки. – Башкой мотаешь, словно конь, которого одолевают мухи.

– Иван Михайлович, лучше следи, чтобы я на мину не наехал. И хватит мне помогать. Грязь и мокрые стебли амброзии – прекрасная смазка.

– Тёзка, тормози! Сдаётся, сбились с пути истинного. Возьми малость левее прорехи... А как только заметишь ещё одно взрыленное место, опять ложись курсом на сгоревший броневи́к. Дальше двигайся самым малым, впереди насыпанный мышками курганчик. В нём целых пять мин закопано.

– Мыши чего худого тебе сделали? – поинтересовался Иван и остановился, чтобы дать передышку заневоленному пряжкой офицерского ремня солнечному сплетению.

Но бывший хранитель речки с развесёлым названием не откликнулся. Он лежал, уронив голову на брезент, одинаково пригодный для того, чтобы укрывать сено, танки, погибших солдат, а при необходимости способный заменить транспортное средство.

– Ты только не умирай! Богом заклинаю – не умирай! Ведь никто, кроме тебя, не снимет с меня эту проклятую сбрую и не подскажет выход из минного поля... Ну будь другом, Ванюшок, очнись, Христа ради!

Так и не дождавшись ответа, Иван пал на колени перед волокушей, словно то был ковчежец с мощами святого. Однако небеса не явили чуда. Они продолжали осыпать холодным дождём застрявших посреди серой зоны горемык, у одного из которых были прибинтованы к туловищу руки, а другой пребывал между тем и этим мирами.